Климентина Чугункина

Больница

18+

Климентина Чугункина

Больница

«Автор»
2026

Чугункина К.

Больница / К. Чугункина — «Автор», 2026

Сити - город будущего, где человек может чувствовать себя в безопасности от смертельных условий окружающей среды, которая сделалась крайне ядовитой и опасной с тех самых пор, как Луна была расщеплена на кусочки в последнюю войну.Больница - учреждение, гдя якобы лечат, вот только о человеке, попавшем в неё, тотчас забывают, словно его никогда не существовало.А если и тем, и другим управляет бездушный механический автомат, который когда-то давно люди называли человекообразным роботом? Возможно ли узнать правду о мире, в котором живёшь, и не сойти с ума? Можно ли спасти близкого человека, если он предназначен в жертву чудовищного эксперимента?

© Чугункина К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
1 5
2 7
3 9
Глава вторая 11
1 11
2 13
3 16
4 18
Глава третья 21
1 21
2 24
Глава четвёртая 26
1 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Климентина Чугункина
Больница

Глава первая

1

Я возвращался в троллейбусе с работы, и мы как раз собирались проезжать мимо Больницы, когда позади нас раздалась сирена скорой помощи. Троллейбус немедленно прижался к обочине, позволяя машине с сигналом обогнать нас. Она, кстати, так торопилась, что заехала за белую черту разграничительной дорожной линии. Это была самая обычная медицинская машина, каких полно в Сити, и она заинтересовала меня одного среди прочих пассажиров, как заинтересовал бы любой транспорт с мигалкой и сиреной по причине своего редкого появления на улицах города.

Я не ожидал, что скорая заедет на территорию этой Больницы, но именно так оно и вышло. Медпомощь остановилась, перекрыв дорогу нашему троллейбусу, ожидая, когда ворота распахнутся, что произошло буквально через несколько секунд. Тогда машина снова тронулась и, миновав защитную зелёную зону с мини-парковкой и цветочными клумбами и зону хозяйственного двора, остановилась у главного корпуса, название которого я слышал - административное здание Больницы. Я так и не узнал, привезла ли скорая какого-нибудь тяжелораненого или приехала сама по себе, так как троллейбус снова продолжил движение, и главный корпус остался за гранью моей видимости. Теперь мы проезжали больничное заграждение с лесопарковой зоной за ней. Кое-где за деревьями просвечивали другие белые кирпичные корпуса лечебного учреждения. Я знал, что это те или иные отделения, соединённые с администрацией крытыми подземными коридорами, но на этом мои познания о Больнице заканчивались.

С тех пор как я переехал в Сити и впервые увидел Больницу, и услышал о ней, я считал, что это место устарело и едва ли используется, и был уверен, что большинство, как и я когда-то, и не знает, что это за здание и какова его роль в нашем обществе. Не помню, чтобы видел когда-нибудь распахнутые больничные ворота, или как кто-то выходит, или как счастливые родственники забирают выздоровевшего, а скорые обычно проезжали мимо. По вечерам в здании, конечно, горели огни, но я никогда не замечал внутри снующих людских голов, да и вообще не задавался вопросом, что там происходит, лечат ли кого или нет. И я не знал никого, кто бы знал что-то побольше моего. В Сити достаточно вещей, о которых приходится думать ежедневно, а старая ветхая Больница в окружении густо растущей зелени даже ничей взор не притягивает. Люди попросту не замечают ни корпуса, ни её обширной территории.

Но за последние два месяца это уже был пятый раз, когда на моих глазах скорая прибывала в Больницу, и трижды я видел, как доктора вносили в здание носилки с лежащим на них человеком, накрытым с головой простынёй. А в один раз из этих трёх, к моему удивлению, у входа в административное здание их поджидали и другие люди в белых халатах. Я-то думал, что тут работает минимум персонала, но нет. Медицинские работники, вышедшие из Больницы, осторожно вносили внутрь больного, а работник скорой захлопывал дверцы машины за ними. В четвёртый раз санитары просто оживлённо болтали у машины, как на всякой обычной работе бывает. И вот, наконец, пятый раз. Я всегда ехал в троллейбусе в этих случаях и только частично захватывал эти сцены, но мог предположить, что случаи привода больных именно в это заведение участились. Ведь это только при мне их было пять, а я всего лишь дважды в

день проезжаю мимо Больницы – на работу и с работы. В остальное время этот маршрут мне совершенно не с руки. Но, если предположить, что кто-то из живущих неподалёку или дворник, убирающий эту улицу, проводят хотя бы несколько часов поблизости, то они могут тоже подтвердить, что случаев стало больше.

Вот странность! С чего бы это сюда, в эту Больницу, присылали больных? Только если в других местах свободных коек нет, но я не слышал, чтобы где-то началась эпидемия. Среди моих знакомых не было заболевших, да и несчастные случаи мне в глаза не бросались. И Больница, пустующая столько лет, вдруг начала свою оживлённую деятельность! Но всё-таки в Сити всё должно использоваться эргономично. Может они, наконец, спустя столько лет закончили ремонт, и теперь здание может нормально функционировать, как и прочие. В городе должен использоваться каждый свободный метр, раз мы живём в таком ограниченном пространстве!

Единственное, что ещё я знал о Больнице, так это то, что она была построена в незапамятные времена. Появилась примерно в то же время, когда Сити был ограничен Защитным куполом. Поэтому сейчас вид у Больницы довольно оригинальный на фоне окружающих более поздних высоких построек и начинающейся строиться поблизости трамвайной линии. Вдобавок все здания больничного городка выстроены из массивного белого кирпича, что добавляет колорита и некоторой таинственности этому месту. В Сити осталось очень мало подобных учреждений дней былых – театр, университет, зал заседаний, несколько домов неопределённого для меня назначения, разбросанных по городу там и сям, да эта Больница.

Но пока я так глубоко погружался в размышления об этой проблеме, троллейбус успел проехать несколько остановок. У меня же имелись и другие дела, о которых стоило позаботиться, так что я перестал об этом думать вовсе до поры до времени.

2

Прежде чем прийти домой, я ещё зашёл на почту, чтобы забрать для Элиа Сабины голубые гортензии, присланные специально моим другом с фермы в Кантри, где он работал. Моя дорогая жёнушка очень любила эти цветы, и я всякий раз по возможности дарил их ей, потому что считал чуть ли не кощунством не подарить дражайшей супруге маленький пустячок, который так её радует. Полтора года назад, сразу после окончания Колледжа, мы стали мужем и женой, и с тех пор я старался вести себя так, чтобы моя подруга жизни жила в постоянном счастье и радости.

Когда я вошёл, супруга не вышла мне навстречу, и я открыл дверь маленькой передней, прислушиваясь. Раздавался её прелестный голос из крохотной залы, и я вспомнил, что по понедельникам и пятницам к нам приходит Элси Марина, дочка наших соседей. Элиа проводит с ней несколько часов своего свободного времени и получает за это вознаграждение. Всё лучше, так как любая прибавка нам не помешает. Так что я не стал их тревожить, прислушиваясь к звонкому переливчатому голосу своей супруги, и стал тихонечко раздеваться. Она читала девочке выдержки из «Анналов истории». Любимая книжка всех детей, как мне кажется, ценимая не одним поколением. Написанная живым доступным языком, она рассказывала о нашей истории с того момента, как был основан Сити, и содержала в себе много тайн и загадок о внешнем мире и той эре, которая существовала до расщепления Луны. В детстве, слушая эти замечательные строки, я мечтал о том, что, когда вырасту, именно я приоткрою завесу и непременно разгадаю одну из тайн. Позднее реалии взрослой жизни приучили меня к тому, что бесполезно пытаться разгадать то, что не дано постичь человеческому мозгу.

У Элиа была несколько иная манера чтения, чем у моих родителей, но всё же я не без удовольствия в тысячный раз слушал заученные едва ли не наизусть слова, как и всякое другое, что напоминает о безмятежных днях ушедшего детства.

«…решил устрашить мир своим супероружием, нейтринной пушкой, и расщепил Луну, как наглядный пример всему человечеству своего могущества. Превратившееся в тысячи осколков небесное светило, бывшее верным спутником Земли миллионы лет, послужило причиной всяческих катастроф природного характера. Почти три четверти земной цивилизации были уничтожены стихийными бедствиями. Как следствие, нехватка природных ресурсов послужила началом тому, что принято называть эпохой ядерных катастроф. Страны закидывали друг друга бомбами, уничтожая одну выжившую территорию за другой, вместо того, чтобы объединить свои усилия и направить их на поддержание жизни выживших. Так люди прошлого в последний раз продемонстрировали свою неограниченную жестокость.

Наконец, одна группа учёных-энтузиастов заперлась в бункере и создала ядерный реактор, который вырабатывал энергию для всех необходимых им ресурсов. Этот бункер и считается началом основания Сити, своего рода первым заложенным камнем…»

- Чекко, ты вернулся!!!

Я вошёл в залу, а Элис (так ласково я называл свою супругу) сразу услышала меня, вскинула голову, отложила книгу и шагнула навстречу, подставляя щёку для поцелуя.

- Почему так рано?

- Сегодня же пятница. Это тебе, - я протянул ей коробку с цветами.

- Голубые гортензии, - ахнула она, суя нос в коробочку и вдыхая аромат. – Благодарность большая!

- Здравствуйте! – застенчивым тихим голоском поздоровалась со мной девочка.

- Приветствую, Элси Марина! Как твоя мама? Ей уже лучше? – я присел к ней, чтобы быть почти на одном уровне с её лицом.

- Её рука зажила, и она надеется с понедельника приступить к работе, - отозвалась она, не глядя в мою сторону.

- Что ж, удачи ей!

Элси Марина кратко кивнула и соскочила с дивана. Не знаю, почему она меня не жаловала, а вот в Элис просто души не чаяла. Но моя жена была таким человеком, что её просто невозможно было не любить. Ко мне же, хоть я и был ласков с девочкой, она относилась с некоторой долей напряжения.

- Мне пора уже! Тётя Элиа, вы дочитаете мне в следующий раз, хорошо?

Супруга отправилась провожать маленькую гостью, а я решил поискать на кухне чего-нибудь съедобного. Элиа Сабина вернулась, когда я накладывал в свою тарелку. Мы немного поговорили о том, как кто из нас провёл день, а потом я поделился с ней тем, чему стал свидетелем из окна троллейбуса.

- Тебе не кажется это странным? Ну, то, что случаи участились, - спросил я. – Уже пятый год тут живу, но всегда считал, что Больница заброшена. А теперь вдруг за последние два месяца пять скорых. Может даже больше, если принять во внимание то, что я проезжаю там лишь дважды в день.

Моя жена, как и все уроженцы Сити, не была любопытной по своей природе. Она с детства привыкла к чудесам большого города и не обращала на них внимания. Она редко задавалась вопросами на отвлечённые темы. Для неё существенное значение имело лишь то, что её окружает, повседневные заботы, работа, семья. Я же родился и вырос в Тауне, и только при поступлении в Колледж переехал в Сити. В этом гигантском мегаполисе всё поначалу будоражило моё воображение. Да и вообще, природа наградила меня отменной любознательностью. Так что Элис ответила в весьма характерном для неё духе:

- Нет. Что же здесь странного? Система здравоохранения заботится о своих гражданах. И прекрасно, что они ввели в строй и эту Больницу тоже. Ты, кстати, не забыл, что завтра мы приглашены в гости семьёй Маклистеров? – уточнила она как бы между прочим спустя минуту, занятая устройством голубых гортензий в милую голубую вазу с узором. Маклистеры были её работодатели.

3

Я надел свой парадный костюм, а жена прелестное платье с манжетами и отложным воротничком. Мы захватили с собой сладкие гостинцы и отправились к квартире Маклистеров. Так как наши современные дома очень длинные, обычно длиной в два-три километра, чтобы в случае надобности попасть из одного конца в другой, в здании предусмотрены движущиеся электроленты, специальные дорожки, которые отвезут вас туда либо обратно, но сами движутся по замкнутому циклу. Так что мы спустились в подвал по обычной лестнице, встали на одну такую самодвижку и начали своё движение вперёд. Лампы ярко освещали подземный коридор, а нумерация над выходными отверстиями помогала ориентироваться, чтобы не проехать мимо нужного места. В субботний вечер многие совершали схожие манёвры, собираясь, как и мы, навестить своих друзей или родственников, так что на ленте там и сям встречались люди. По негласным правилам вежливости мы здоровались со всеми подряд, проезжающими мимо нас в обратном порядке либо стоящими в непосредственной близости, даже с теми, кого не знали вовсе и кто не жил в нашем доме. Элис стояла чуть впереди, прижавшись к моей груди спиной, а я в одной руке держал гостинцы, а другой опирался на поручень. Мне неудержимо хотелось обнять её в этот момент, но я не мог, иначе бы ускорение движущейся дорожки свалило нас с ног. А ближе к концу маршрута приходилось ещё и соблюдать бдительность, чтобы не промахнуться мимо нужного выходного отверстия. Как всегда резкий толчок перекинул нас на неподвижную часть.

Выбравшись из подвала к лифту, на нём мы добрались до нужного этажа и уже скоро здоровались с Маклистерами в их собственной небольшой квартирке. Отдав гостинцы, мы были приглашены хозяйкой в маленькую, уютно обставленную столовую.

- Что же, как ваши дела на работе, Чекко? – спросила мадам.

Не желая её утомлять, я кратко отозвался о том, что всё в порядке.

Нас сразу усадили за стол, и моя жена, видя, что приборов всего четыре, робко поинтересовалась, где же Алисиа Лусиа. Это была их взрослая дочь, которая училась в университете. На долю секунда мне показалось, что мадам замешкалась, как будто не могла понять, не сосредоточившись, о ком идёт речь.

- Наша дочь попала в Больницу, - отозвалась она, наконец, с небольшой запинкой. – Ничего серьёзного, но всё же лучше, чтобы она подлечилась. Там о ней хорошо позаботятся. Но, дорогая Элиа Сабина, скажи лучше, к тебе по-прежнему приходит маленькая Элси Марина? Эта девчушка так очаровательна.

Так кратко было сказано о той, в которой души не чаяли оба родителя. Это было странно. Я подумал, что дело наверняка более серьёзное, чем они говорят, раз уделили своей дочери всего пару слов. Мне хотелось выразить им слова соболезнования, как я и поступил бы в любом другом случае, но обе женщины не давали мне и рта раскрыть, треща без умолку. Это было нехарактерно для Элис, которая обычно вела себя в присутствии работодателей не слишком-то оживлённо. Если бы я не знал свою жену, то подумал бы, что женщины делают это специально, лишь бы только не произносить либо выслушивать слов сожаления. Когда они закончили болтать о незначительных пустяках, было уже неуместно возвращаться к прежней теме. Тем более что только сама хозяйка могла направлять разговор в нужное ей русло.

Тем не менее, когда мы уходили, я не преминул воспользоваться случаем, чтобы выразить сочувствие положению их дочери и пожелать ей скорейшего возвращения под отчий кров. К моему удивлению, мадам полностью проигнорировала мои слова, а её муж так странно на меня посмотрел, словно бы я сморозил несусветную глупость во всём Сити. Но это никак не отразилось на их сердечном прощании с нами, хотя мне и показалось, что на щеках Элис вспыхнул

румянец. Я давно научился разбираться во внутреннем состоянии своей подруги жизни по её поведению. Ей было стыдно за меня, но я не понимал, за что.

Как только мы оказались на самодвижущейся ленте, Элис стиснула мою руку и едва слышно проговорила:

- Чекко, что на тебя нашло? Зачем под конец ты им так явно нагрубил?

- Не понимаю. Чем, дорогая? Объясни, - я искреннее не понимал, что такого неправильного мог наговорить. Длинным языком я не страдаю, да и нрав у меня довольно спокойный, покладистый.

- Как ты мог расспрашивать их о дочери?! Это же верх бестактности. Если бы хотели, они бы рассказали нам больше, а твои слова… Что они теперь будут думать обо мне, Чекко? – в её голосе чувствовалось искреннее страдание, а глаза увлажнились.

- О тебе ничего, потому что ты ничего и не сделала, - я ещё никогда не становился причиной такого нервического состояния у жены, поэтому желал как можно скорее исправить положение. Я в эту минуту готов был даже вернуться к Маклистерам и извиниться перед ними, если бы этим мог помочь Элис, но я по-прежнему не понимал, в чём же так провинился. – Если уж они станут о ком думать плохо, так это обо мне. Только я не понимаю, почему. Я не сделал ничего недостойного. Разве соболезнования – это верх неприличия? Мы все их высказываем, достаточно часто, если учитывать все поводы, по которым мы это делаем.

- Да, когда дело касается ординарных случаев. Если же кто-то попадает в Больницу, о нём не говорят, и уж тем более не выражают таких горячих соболезнований родственникам. То, что их близкий находится там, и так тяжело для них! А тут ещё ты со своими словами! Это верх бескультурья! Ах, Чекко, я боюсь, что теперь они откажут мне от места, а найти работу в наши дни без протекции почти невозможно!

- Ты крайне талантлива, и я сомневаюсь, чтобы из-за меня Маклистеры тебя уволили. Они не такие люди. А если вдруг это и произойдёт, я сделаю всё, чтобы они приняли тебя обратно, уверяю. Но, скажи мне, почему нельзя говорить о тех, кто попал в Больницу?

- Твоё таунское любопытство, наверное, тебя никогда не оставит! – всплеснула жена руками. – Это просто не принято, понимаешь? Негласное правило. Даже думать о подобных людях некорректно.

- Нет, не понимаю, - возразил я. – Как по мне, так это глупость. Человек получил ущерб своему здоровью, а мы все будем это игнорировать. Хорошие же мы граждане после этого, ничего не скажешь!

- Но ведь так поступают только с теми, кто попал в Больницу! – Элис даже несколько повысила голос, пытаясь втолковать мне истину, как несмышлёному ребёнку, который упорно отказывается в неё верить. – Это в точности то же самое, как неприличные темы за обеденным столом. Никто ведь не рассказывает в подробностях о том, чем только что занимался в туалетной комнате. Это правило, которое нужно соблюдать, не размышляя о нём. Оно есть, и его надо принять как данность.

После этого Элис заговорила о будничных делах, но я всё же был озадачен и оставался недоволен собой и женой. Собой из-за таунского происхождения, из-за которого я до сих пор остаюсь в некоторых вещах несведущим и веду себя, соответственно, нелепо, а женой из-за того, что она не смогла мне ничего как следует объяснить, потому что её сравнение я посчитал крайне неудачным. Я ничего толком не понял, кроме единственного полученного знания о том, что говорить и думать о тех, кого увезли в Больницу, не принято.

Глава вторая

1

Все словно бы забыли о существовании Амелии Лусии, как будто она никогда и не существовала. И мне всё никак не давала покоя одна мысль, а именно, что родители сделали с её вещами? Избавились от них? Или переслали в Больницу? Потому что, хотя уже и прошло несколько месяцев, дочка Маклистеров так и не вернулась домой. От жены я узнал, что она по-прежнему пребывает в той самой Больнице (откуда не возвращаются, мысленно добавлял я). Я пытался расспрашивать и некоторых других наших соседей, знакомых с семьёй Маклистеров, но они также с трудом вспоминали ту, о ком я расспрашивал, а затем все почти в унисон отзывались, что «разве я не знаю, что дочка Маклистеров находится в Больнице, и там о ней хорошо заботятся». С самими родителями студентки я не сталкивался (к счастью для Элис, они не уволили её, но больше нас и не звали к себе), да и не хотелось мне расспрашивать их, раз это, оказывается, крайне неприлично.

Но что-то в этой Больнице по-прежнему не давало мне покоя, и я, как заворожённый, дважды в день пять раз в неделю не отрывал взгляда от комплекса зданий в окружении зелени, проезжая мимо. Так что я был крайне обрадован, когда жена попросила меня однажды посидеть с Элси Мариной вместо неё, так как в этот день она попросту не имела времени по причине загруженности дополнительной работой.

Я хотел расспросить девочку, так как она была уроженицей Сити и ещё не имела предрассудков взрослых, о Больнице, но Элси Марина поначалу надулась, несмотря на чай и печенье для неё приготовленные, узнав, что её любимицу сегодня заменяю я, и не пожелала со мной разговаривать. Но я заверил её, что тоже могу прекрасно читать выдержки из «Анналов истории», а затем нас ждёт уйма не менее интересных игр.

И вновь читал я строки, хорошо знакомые с раннего детства:

«… когда Защитный купол был сооружён, а поверхность под ним обеззаражена, Физик первым решился выйти из бункера в новый мир, ведь этот купол был делом его рук, и в случае чего последствия могли сказаться на нём одном, а не на беззащитных людях, которые вверили ему своё выживание. Его прогулка прошла успешно, и после неё начались строительство и развитие Сити. Однако долгая жизнь вблизи реактора не прошла безболезненно для первых поселенцев, и учёные-энтузиасты прожили всего несколько лет на поверхности, после чего скончались. И могилы величайших героев Земли неизвестны.

Сити начал разрастаться, и, исходя из нужд постепенно разрастающегося общества, позднее были построены по тому же принципу Таун и Кантри, техническое и сельскохозяйственное ядра соответственно. Была рассчитана предельная растяжимость Защитного Купола, и тогда возникло предложение поделить его на три части, а связь между населёнными пунктами поддерживать при помощи поземных докатастрофных дорог, которые позволили бы безопасно пересекать незащищённые участки планеты. С того момента организации тройственности и были заложены основы общественной жизни, которыми мы пользуемся до сих пор в нашей современной жизни».

- На этом всё, - завершил я и взглянул на Элси Марину.

Девочка сидела в задумчивости.

- Тебя что-то тревожит?

- Мне кажется странным, - как-то нехотя отозвалась она после внутренних колебаний, - что всё это продолжает работать, хотя уже не существует ни реактора, ни тех, кто его построил.

- Не забывай, что изначально энергия реактора была настолько велика, чтобы её должно было хватить на неограниченное количество лет в будущем. И даже сейчас этот срок не стал меньше.

- И неизвестно, когда настанет конец мира?

- Он не наступит, - уверенно отозвался я. – Вспомни, внешний мир давно уничтожен, а мы, как видишь, продолжаем существовать. И во вполне сносных условиях, - я обвёл рукой залу.

- А вы знаете, что Больница построена примерно в то же время, что и создание «Анналов»? – девочка сама навела на тему, к которой я так желал подойти. Я придвинул к ней ещё печенья и молча ожидал продолжения.

- Вчера мы проводили в классе исследования. Искали самые старые здания на картах Сити, Тауна и Кантри. Нужно было найти, как можно больше. Так я и узнала, что Больница построена раньше всех. А миссис Хендерсон сама проводила кое-какие исследования в архиве и сказала нам, что, судя по всему, Больница первоначально не была Больницей, а скорее уж лабораторией, где работали учёные после того, как вышли на поверхность. И где-то там и писались Анналы. Всё это произошло через несколько лет после того, как расщепили Луну. Удивительно, правда?

Девочка оживилась. Было видно, что ей в удовольствие обсуждать эту тему. Впрочем, как и любому ребёнку, обожающему старые тайны и загадки.

- Элси Марина, - осторожно начал я, - я понял, что ты очень умная девочка. Ты так много всего знаешь для своих лет и, наверное, можешь мне сказать, почему не принято говорить о тех, кого забирают в Больницу?

- Как можно говорить о тех, кто никогда не вернётся? – со всей детской простотой отозвалась она.

- Как это, никогда не вернётся? – недопонял я.

- Но ведь все знают, что, если ты попадёшь в Больницу, то никогда не выйдешь оттуда.

- Что же, они так плохо лечат там, что все больные умирают?

- Нет, не умирают. О них просто забывают.

- Как это – забывают?

- Я не знаю. Вы ведь взрослый, должны сами понимать. Мне скучно. Вы обещали, что мы начнём играть сразу после чтения.

Что ж, мне пришлось исполнять своё обещание, развлекая маленькую умницу, но слова «о них просто забывают» ещё долго отдавались рефреном в моей голове.

2

Я начал волноваться к вечеру, когда от жены так и не поступило никаких известий. Элси Марина давно ушла, потому что её родители сами пришли за своим ребёнком несколько ранее положенного срока. Но Элис всё не объявлялась, и я начал шагами мерить залу, позабыв не только об ужине, но и обо всём остальном. Кроме возвращения моей ненаглядной подруги жизни меня больше ничто не интересовало. Она сообщила бы, если бы задержалась намеренно, передав сообщение по экстренной перфорированной ленте. Если этого не произошло, значит, с ней что-то случилось. Я прождал до глубокой ночи, и, в конце концов, моё терпение лопнуло. Выйдя в общий коридор, я воспользовался будкой общественного телефона и позвонил в экстренную службу, и спросил, не поступала ли куда моя жена, прикрывая трубку и рот рукой, если видел кого-либо вблизи, чтобы не подслушали.

- Под такими инициалами никого нет, - отозвалась девушка-оператор спустя какое-то время, необходимое ей на поиски, показавшееся мне вечностью, и я облегчённо выдохнул, подумав, что это всё мои ложные тревоги, что объяснение задержке Элис найдётся, - но сегодня поступили двое неизвестных. Один пожилой мужчина и одна молодая женщина. Если вы хотите узнать более подробно, вам стоит обратиться в Центральную Больницу. Доброй вам ночи!

Этой неопознанной женщиной могла быть именно Элиа Сабина. Но могла и не быть. В современном мире не бывает несчастных случаев. У нас так хорошо продумана безопасность, что редко кто калечится. Что же могло произойти, с замиранием сердца гадал я? Мне хотелось, чтобы всё это оказалось только моими придумками. Я убеждал себя, что вот-вот раздадутся шаги, откроется дверь и войдёт моя ненаглядная, и я покажусь сам себе дураком, раз звонил в экстренную службу и, конечно же, постараюсь скрыть от неё этот постыдный эпизод, виной которому моё таунское происхождение. Но время шло, а волнение всё больше и больше нарастало. Ночь прошла без сна. И я решился ехать к открытию Центральной Больницы, к шести утра. Так как на это требовался час езды, я вышел в пять. Мне следовало бы поесть для поддержки сил, но еда не лезла, когда в разум так настойчиво стучалась мысль о каком-то там нелепом несчастном случае.

Пришлось ехать с пересадками: после троллейбуса пересаживаться на пока что единственную в Сити трамвайную линию. Народу было немного, и это лишь усугубляло моё положение, потому что мне казалось, что каждый пассажир смотрит на меня, читает как раскрытую книгу мои беспокойные мысли и сочувствует тому, что моя жена пропала, а возможно, и попала на лечение по причине несчастного случая. «Бедняга», - читал я в каждом лице о себе, но, конечно, они так не думали. Это всё мои разыгравшиеся нервы. Уж кому требовалось лечение, так это мне! Но что поделать, без Элиа Сабины я не представлял своей жизни. Моя молодая подруга была мне дороже всего на свете. Когда она была рядом, я чувствовал себя бесконечно счастливым человеком. Когда я был один, вот как сейчас, то понимал, что меня засасывают недра тартара.

У Центральной Больницы не было никого в столь ранний час, и я взбежал по ступеням не без дрожи и живо преодолел расстояние, отделяющее меня от Регистратуры, как было указано золотистыми буквами над аркой холла сверху, потому что только быстрое движение было способно утихомирить волнение в сердце. В подобные места я ещё никогда не заходил, и это было моё первое посещение больничного учреждения вообще. Девушка за стойкой в белой косынке подняла на меня воспалённые глаза, и я понял, что она, как и я, провела бессонную ночь.

- Доброе утро! Чем могу помочь? – начала она любезно с признаков хорошего тона, несмотря на усталость.

Таково было наше современное общество – вежливость прежде всего. После катастрофы новое поколение росло совершенно без агрессии к внешнему миру. Человечество всё-таки победило в себе зло, но какой ценой! Луна была расщеплена на кусочки, а на планете существовало лишь три заселённых жизнью местности.

- Вчера поздно вечером я обратился в экстренную службу по поводу своей пропавшей жены. Там мне сказали, что к вам поступила молодая женщина с неустановленной личностью.

- Обождите, я проверю. Как фамилия вашей жены?

- Элиа Сабина Кирокавалла, - по буквам произнёс я.

Потребовалось несколько минут, чтобы девушка в белом проверила в регистрационном журнале списки.

- Да, такая фамилия нигде не значится. А неопознанная женщина ночью скончалась. Вы можете пройти в морг на опознание, если хотите.

- Как скончалась? Отчего? – моё лицо побелело, я почувствовал себя крайне плохо и подумал, что вот-вот упаду.

- Не могу этого сказать, пока не подтвердится, что женщина всё-таки ваша жена. Сперва сходите на опознание, а потом сможете получить её медицинскую карту.

- Хорошо. Куда мне идти? – упавшим голосом согласился я, негодуя на больничные порядки.

- Обождите минуточку. Вас проводят.

Она стала звонить кому-то, а я отошёл и принялся разглядывать ничего не видящими глазами стены с расписанием приёма врачей и различными объявлениями. Я не собирался мириться с тем, что моя драгоценная Элис может оказаться мёртвой. Я твердил про себя: «это не она, это не она, это не может быть она; кто угодно, но только не Элис, пожалуйста». Из прострации меня вывел медик в голубом комбинезоне и шапочке в тон, тронувший меня за плечо.

- Ступайте за мной, пожалуйста.

Он провёл меня по коридору первого этажа, затем мы спустились по лестнице и снова прошли длинный коридор. Всё это время мой провожатый хранил молчание. Он, должно быть, не в первый раз сопровождал этим путём растерянных родственников и понимал, что эту дорогу они должны пройти лишь со своими мыслями, а любые его слова будут звучать неуместно. Затем он толкнул дверь, и мы оказались в небольшом тамбуре, заваленном всякой канцелярщиной.

Медработник уселся и начал листать толстый журнал, расчёркнутый на графы.

- Можете ли вы назвать какие-нибудь особые приметы? – спросил он на удивление густым и волнующим басом, не поднимая глаз.

Я был так взвинчен, таким гигантским усилием воли сохранял достойный вид, что поначалу даже не сообразил, что конкретно он от меня хочет.

- Ну, Элис светловолосая и очень красивая.

- Это не особые приметы, - заметил он. – Опишите кисти её рук. Какие-нибудь особые отметины есть? Ногти какие?

- У неё маленькие изящные белокожие ручки, а ногти ухоженные, не слишком короткие, но нельзя сказать, чтобы и особо длинные.

- Тогда та женщина к вам отношения не имеет. Вам незачем осматривать её тело. У той женщины руки грубые, мозолистые с короткими ногтями. С уверенностью можно утверждать, что она занималась тяжёлой работой. Подходит такое описание под вашу супругу?

- Абсолютно нет, - я едва ли не запрыгал от счастья. Значит, моя ненаглядная Элис по-прежнему остаётся живой.

- Можете идти. Вы свободны, - он указал на дверь, словно не понимая, почему я ещё тут.

- Спасибо! Спасибо вам огромное! - я был счастлив, как никогда, словно гора с плеч свалилась.

- Не за что, - усмехнулся медик. Наверняка он таких обалдевших от внезапного облегчения молодчиков перевидал не одного на своём веку.

Обратные шаги до Регистратуры я проделал как на крыльях, правда, ноги подкашивались, а колени тряслись, но эти мелочи образовались от внезапно нахлынувшего на меня притока счастья и носили кратковременный характер. За стойкой находилась уже не одна девушка, а целых две, и новенькая что-то оживлённо втолковывала первой.

- Благодарю вас, но это не моя жена, - сказал я, собираясь уходить. Возможно, Элис сейчас уже как раз дома. – Всего доброго!

- Постойте, гражданин. Ваша супруга Элиа Сабина Кирокавалла? – в голосе новенькой прозвучало нечто очень нехорошее.

- Да.

- Мы только что получили данные за минувшие сутки от бригад скорой помощи. Кажется, ваша супруга попала в Больницу.

- Как это кажется? Почему в Больницу?

- Я не могу вам ответить. Мы не занимаемся распределением больных. Этим занимаются сами скорые. Больничные же учреждения только указывают, сколько больных они в состоянии принять за сутки.

- И вы уверены, что моя жена в Больнице? Но это же глупость какая-то. В Сити полно других мест, куда поступают больные со скорой помощи. Она что, так сильно пострадала? Что с ней случилось?

- Диагнозы тут не указаны. Можете сами взглянуть, если хотите.

Она протянула мне перфорированную ленту экстренных сообщений. Под вчерашним числом значился список медицинских учреждений и количество поступивших человек напротив каждого. Всего было четверо за минувшие сутки, ведь болезни и несчастные случаи крайне редки в наши дни. Напротив Больницы стояли одинокие инициалы моей Элис. Остальная тройка попала в Центральную Больницу, но не она. Почему так? По какой такой причине Элиа Сабину забрали в иное учреждение? Это какая-то ошибка. Мне не хотелось в это верить, и я снова и снова перечитывал название Больницы и напротив фамилию своей жены. Внезапно в ушах зазвучал детский голос Элси Марины: «о них просто забывают». О тех, кто находится в Больнице, не принято говорить. О них забывают. Просто забывают. Их судьбой не интересуются.

- Что же мне теперь делать? – беспомощно промямлил я.

Вероятно, регистраторши меня пожалели, потому как предложили:

- Хотите, мы можем им позвонить и предупредить, что вы придёте насчёт своей супруги?

О Больнице они говорили как о вполне нормальном медицинском учреждении.

- Это было бы крайне любезно с вашей стороны. Я собираюсь поехать к ним прямо сейчас.

3

В шесть сорок я уже стоял перед воротами Больницы. Времени было предостаточно и для того, чтобы забрать жену, и для того, чтобы успеть на работу, а в случае чего я мог бы немного задержаться и потом объяснить причину опоздания. Посещение Больницы, несомненно, считается уважительной причиной.

Как-то странно было заходить на больничную территорию, ведь всё то время, что я прожил в Сити, я был уверен, что это место заброшено. Я всегда с любопытством наблюдал за тем, что происходит за оградой, так что мог с лёгкостью представить себе тех людей, которые сейчас взирали на меня из окон общественного транспорта, когда я миновал защитную зелёную зону и зону хозяйственного двора и подходил к главному административному корпусу. Думал ли кто-нибудь из них, что делает сейчас там этот человек? А если думал, то посчитает ли меня за врача, пришедшего на работу, и удивится ли, что прежде не замечал никого подобного? Мне было странно находиться внутри, как если бы я попал в одну из своих оживших фантазий, но я пришёл сюда единственно ради жены, и кто бы мог подумать, что подобная вещь вообще случится в моей жизни.

Окна всех зданий освещались яркими лимонными либо цвета светлого кобальта пятнами, и мне явно почудилось, что это разноцветными глазами наблюдают за мной чудовища, а крыльцо с входной дверью – ощетинившаяся пасть. Эта картина очень явно предстала перед глазами. У меня было дурное предчувствие, какое-то жутковатое ощущение «нехорошести» этого места, но я уже не был мальчиком, чтобы придавать значение подобной чепухе. Хотя в детстве мне часто снилось, что я бреду по коридорам заброшенной больницы, чтобы отыскать нечто очень важное для себя. Но как я мог знать об этой Больнице, живя в Тауне? Здания очень сильно напоминали мой сон, но я отбросил всю эту глупость. Я здесь по делу. Ни совпадения, ни суеверия не изменять моей решимости уйти отсюда вместе с Элис.

Итак, я вошёл в главный корпус. Естественно, кроме меня, в столь ранний час внутри больше никого не было. За стойкой регистратуры пряталась одинокая макушка, и я направился прямиком к ней.

- Доброе утро! – начал я с того, чтобы привлечь внимание.

- Утро! Чем могу помочь? – улыбнулась красавица, сверкнув белоснежными зубами.

Я отметил, как у них внутри всё чисто и свежо, пусть и не без некоторой старомодности в обстановке. И почему я только считал это место таким заброшенным? Как говорят, внешность обманчива. А первое впечатление оказалось неплохим.

- Моя жена поступила к вам. Элиа Сабина Кирокавалла. Посмотрите, пожалуйста.

Прошло несколько минут, пока девушка рылась в бумажках.

- Всё верно. Элиа Сабина Кирокавалла поступила вчера в девятнадцать часов вечера с подозрением на сотрясение мозга в результате несчастного случая. Сейчас она находится в Анамнестическом кабинете.

- Где-где? – переспросил я, склоняясь ближе к стойке.

- В кабинете для выявления лиц с повышенным риском заболевания.

- Что это значит?

- Это значит, что женщина подхватила инфекцию, и теперь доктора выявляют, какую именно, исследуя её анализы, - не поскупилась на объяснение регистраторша всё с тем же сияющим выражением на лице.

- Но ведь она была совершенно здорова, - возразил я.

- Это уже нам решать.

- Так, значит, сейчас её нельзя забрать домой?

- Конечно, нет, - отозвалась она так, будто я сморозил явную глупость. – Ведь это не дело, если она заразит других людей. Нужно принять меры, назначить ей лечение. Вовремя предупредим инфекцию, убедимся, что она здорова, и тогда - пожалуйста. Здоровых людей мы здесь не держим.

- Могу я с ней увидеться?

- Время посещения родственниками с семнадцати до восемнадцати часов, - девушка постучала наманикюренным пальчиком по табличке, которую я только сейчас и заметил.

- Но я хочу видеть свою жену.

- К сожалению, - с улыбкой застывшего автомата и «медовым» голоском произнесла она, - это невозможно. Приходите вечером.

- Но почему? Почему я должен приходить вечером? Ведь я ночи не спал, приехал к шести утра, да не в ту больницу, а теперь вы говорите, что я не могу и жены увидеть, - я пытался говорить спокойно, но это было слишком тяжело для моих сверхнапряжённых нервов, так что последние слова походили едва ли не на визг.

- Таковы правила. Очень сожалею, но ничем не могу помочь. Не я составляла распорядок.

- Скажите хотя бы, - вздохнул я, понимая, что девушка обычный рядовой работник и ни в чём не виновата, - почему с сотрясением мозга её доставили к вам? Неужели всё так серьёзно, и вы оказались ближайшим квалифицированным учреждением для срочного оказания помощи?

- Распределением больных занимается скорая помощь, а мы только принимаем тех, кто нуждается в нас. И я не думаю, что у вашей жены достаточно серьёзная травма, ведь она находится у нас в Анамнестическом кабинете, а это совершенно другое.

- Хорошо, благодарю. Я приду вечером.

- Как вам будет угодно, - опять улыбнулась девушка.

Можно подумать, что я по своему желанию решаюсь навестить жену вечером!

До работы ещё оставалось время, так что я решил заехать на ближайшую станцию скорой помощи. Первый вышедший ко мне работник попросил не загораживать выезд для машин и беседовал со мной на улице, когда я объяснил ему, что к чему.

- Обратитесь к главному врачу городской станции скорой помощи, - посоветовал он. – Он точно назовёт вам бригаду, которая занималась вашей женой. У него вы получите всю подробную информацию, но не думаю, что он ответит, почему ваша жена попала именно в Больницу. Не мы занимаемся распределением. Машины только развозят больных туда, откуда поступает согласие на их приёмку.

- То есть вы хотите сказать, что после того, как вы окажете первую помощь, больницы сами просят, чтобы вы привезли этих пострадавших к ним?

- Ну, это довольно грубо сказано, - отозвался бригадир и притянул меня чуть к себе. – Осторожнее, не заходите за эту линию, не загораживайте срочный выезд машине. Она может появиться в любую минуту. Если вы хотите узнать все детали, обратитесь, к кому я вам посоветовал. Или к дежурному секретарю. Уж он, как и мы, вынужден работать круглосуточно.

Вот значит как! Регистраторша Больницы солгала мне, не моргнув и глазом.

4

На работе я весь день провёл как на иголках, не мог ни на чём сосредоточиться конкретно. Так что почти весь рабочий день не вставал со своего рабочего места, чтобы не попадаться другим на глаза и избегать вопросов по поводу своего состояния. Я решил уйти чуть раньше, чтобы уже к пяти часам быть в Больнице и забрать жену по возможности, и предупредил начальника. Он сразу дал своё согласие, как услышал, что с Элис произошёл несчастный случай, и, к счастью, от него я не услышал и слова соболезнования. Это было бы неуместно при моём состоянии. Теперь-то я хорошо понимал мадам Маклистер, ведь её дочь тоже попала в это самое учреждение. А кому это понравится? Жаль, что я раньше этого не понимал и повёл себя так глупо тогда в гостях.

Всё же хотелось думать, что с Элис всё в порядке. Если же что-то окажется не так, я начну разбираться и выяснять, почему допустили, чтобы моя жена осталась в Больнице, не спросив на то моего согласия. Я не мог допустить и мысли, что она сама пожелала остаться в этом старомодном учреждении. И не мог постичь причину лжи регистраторши. Если только не случилось чего-то более серьёзного, о чём мне не хотят говорить. Тогда становится ясно, почему меня не предупредили о том, что Элис у них. Это бы обязательно произошло, если бы она была в сознании. Она настояла бы на том, чтобы поставили в известность её мужа, то есть меня. Возможно ли, чтобы она скончалась по медицинской ошибке? С сотрясением мозга? Вряд ли. А вот если ей, например, что-то не то вкололи, или аллергия…. Но они должны были бы мне сказать. Какой смысл откладывать? Мне не хотелось совершенно думать об этом. Это всё злые, нехорошие, пугающие мысли. Я твердил про себя, что мне удастся забрать её домой, сердце и разум подтверждали это, но смутное предчувствие где-то в области желудка шептало иное.

Под конец рабочего дня, когда я уже собирался уходить, ко мне зашёл мой добрый друг ещё со времён Колледжа и товарищ по работе Ванко.

- Уже уходишь? – удивился он.

- Чуть раньше. Есть дела. Я отпросился.

- Что-нибудь серьёзное?

И тут впервые случилось так, что мой язык отозвался быстрее меня (возможно из-за того, что потребность разделить с кем-нибудь это жуткое знание всё же существовала):

- Моя жена вчера попала в Больницу.

- Бедняжка! – он сочувственно на меня посмотрел.

- Я собираюсь сейчас ехать за ней, но пока там о ней хорошо заботятся.

Эти слова не прозвучали фальшиво, хотя я вовсе не собирался их произносить. Я сказал в точности, как мадам Маклистер несколько месяцев назад, как будто уже смирился с потерей. Но я ведь собираюсь ехать с тем, чтобы забрать жену, так почему именно эти слова сорвались с губ? Что со мной происходит? Противный голосок зазвучал в голове: «Они не умирают. О них просто забывают.»

Уже на улице я продолжил размышлять, что всё-таки подразумевается под тем, что «о них забывают». Это забвение сродни смерти? И как можно забыть о тех, кто находится в Больнице? Что это вообще за люди такие, способные на забывчивость по отношению к своим близким? И почему Элис не осталась дома вчера, чтобы посидеть с Элси Мариной, как обычно? Что за загадочный несчастный случай произошёл с ней? Получить сотрясение мозга, это не шутки. Если размышлять обо всём сразу, то вспухнет голова. Но чем отвлечься, чтобы не думать? Снова вопрос. Так что в троллейбусе я пытался сосредоточиться только на своём дыхании. Выходило не очень. Раз за разом я ловил себя на возвращающихся мыслях об Элис. Жена – всё для меня.

Я вновь приближался к Больнице, одинокий визитёр в сумерках. Во дворе не было ни души, а в освещённых окнах я не различал ни покачивающихся голов, ни движущихся силуэтов, ничего, что указывало бы на жизнь в этих зданиях – одни только белые занавески, громоздкие шкафы да лампы дневного света, как в стационаре Центральной Больницы. Мне никогда ещё не встречалось более чем странное учреждение! Может я и думал порой о том, чтобы зайти в Больницу и узнать, что скрывается внутри старинных построек из белых кирпичей, но точно не с той целью, с какой сейчас направлялся туда.

Почему это случилось в нашей семье?

В Регистратуре девушка сменилась. Значит, это вечерняя смена.

- Добрый вечер! Я уже был у вас с утра. Могу я увидеться со своей женой? Элиа Сабина Кирокавалла. Время посещений уже началось, - не преминул указать я кивком на часы с 17:01.

- Кирокавалла, - кивнула девушка, зашуршав листами журнала. – Ага, вот она. Анамнестический кабинет, - неторопливо прочитала она и с сожалением добавила. – Боюсь, что нет.

- Как нет??? – изумился я. – Почему???

- Она всё ещё находится в этом кабинете. Мы не имеем права допускать к ней посторонних.

- Но я не посторонний. Я её муж, - рявкнул я.

- Простите, но кем бы вы ни были, вы не можете с ней увидеться.

- Пригласите, пожалуйста, главврача. Я хочу говорить с ним, а не с вами.

- Сожалею, но он уже ушёл.

- Тогда его заместителя.

- Его тоже нет.

- Что это за Больница такая, если никого нет?! – вскричал я на грани своего терпения.

- Если бы вы пришли раньше, вы бы застали обоих.

- Послушайте, я уже приходил сюда в шесть утра, и вы заставили прийти меня именно в это время. Позовите мне кого-нибудь, кто здесь хоть что-то решает. Есть у вас, не знаю, какой-нибудь дежурный?

- Я его приглашу. Минуточку, пожалуйста!

Девушка принялась налаживать связь, а я стоял, прислонившись к стойке спиной, и разглядывал стены, заставляя себя обращать внимание на мелочи, чтобы утихомирить свой гнев. Всюду было очень чисто и аккуратно, пахло типичным больничным запахом, знакомым каждому с незапамятных времён, но, как контраст, абсолютная тишина создавала впечатление нежилых помещений. Как будто здесь вовсе не было ни больных, ни врачей. Хотя не стоит забывать, что я находился в административном корпусе. Здесь не занимаются лечением, здесь в основном регистрируют и обрабатывают информацию. Утром я пришёл слишком рано, а сейчас все ушли, ведь стандартное рабочее время в Сити уже завершилось. Если бы регистраторша была прежняя, я бы сделал ей замечание по поводу её лжи, хотя по своей молодости или неопытности она могла не знать некоторых фактов, и тогда извиняться пришлось бы мне. Эта подавляющая тишина угнетала. Больше всего мне хотелось забрать свою жену, а не разбираться с тем, что за безобразия здесь творятся. Я собирался приступить к изучению больничного распорядка, но тут к нам вышло странное существо.

Этот мужчина (комплекция была явно не женской) был в длинном халате, резиновых сапогах и перчатках, клетчатом фартуке, респираторе, защитных очках и с аптечкой в руках. Он подошёл к нам. Я даже не мог понять толком, окинул ли он меня взглядом, так сильно было скрыто его лицо. Что за чудовище? Чем этот странный тип может заниматься здесь? В таком облачении он явно распугивает больных, особенно если бродит по отделениям в тёмное время суток, и большая загадка, как они после такого зрелища идут на поправку.

- Вызывали, Юлия Тарания? – его голос был искажён маской и оттого звучал не менее странно и жутко, чем выглядело всё его облачение.

- С вами хочет поговорить этот человек.

Мне чрезвычайно не хотелось разговаривать с этим обезличенным типом, но делать было нечего.

- Вы дежурный? – уточнил я.

- Да. Я. Что вы хотите? – он положил аптечку на стойку, едва ли не сунув мне её под нос.

- Всего-то навестить свою жену. Сейчас часы приёма, и я не понимаю, почему не могу с ней увидеться.

- Она находится в Анамнестическом, - встряла регистраторша.

- Раз так, то сожалею, но помочь ничем не могу. Контакты с любыми лицами категорически запрещены. Я понимаю ваши чувства, но, представьте, ваша жена так больна, что ей абсолютно противопоказаны всяческие сношения с внешним миром, чтобы не сделать хуже её состоянию. Вы же не хотите этого и не будете настаивать на встрече с ней?

- Конечно, нет, но в том-то и дело, что моя жена абсолютно здорова.

- Вы в этом так уверены? Ведь иначе она ни за что бы не попала в Анамнестический кабинет.

- Ещё вчера она была абсолютно здорова. Я не знаю толком, что за несчастный случай с ней произошёл, но от него она заработала лишь подозрение на сотрясение мозга. Простите, вы не могли бы снять хотя бы очки? Я не могу так разговаривать с вами.

- Никак нельзя, я при исполнении. Герметично одет с головы до ног, и мне никак нельзя нарушать целостность. У меня сейчас будет обход по Рентгеновскому отделению. Извините.

- Так что по поводу моей жены?

- Вы ведь не врач, так? Мы понаблюдаем за ней, и, как только убедимся, что всё в порядке, сразу выпишем. Не беспокойтесь.

- Но я хочу с ней увидеться. Как скоро это будет возможно?

- Как только ей будет позволено покинуть Анамнестический кабинет. Так ведь?

Он обернулся к регистраторше, как будто это она здесь всё решала, и девушка кивнула.

- Вы можете приходить к нам хоть каждый день, если хотите, и узнавать о её состоянии, - подтвердила она. – О ней тут хорошо будут заботиться. У нас прекрасные условия для пребывания больных. Здесь в принципе ни с кем не может случиться ничего неприятного.

- Вы уверены?

- Ну конечно, - мягко успокоил мужчина в респираторе. – Отправляйтесь домой и отдыхайте. Сон устраняет все заботы. Он для любого организма полезен.

- Да-да. И не беспокойтесь о своей жене. Она тут получит такой уход, какого нет и в лучшем санатории, - проворковала регистраторша.

Их совет показался мне дельным. Я жутко устал за целый день, мысли путались. Элис, ясное дело, не выпишут, и находиться и дальше в этом душном помещении я не видел смысла. Лучше немедленно отправиться домой и хорошенько выспаться, чтобы завтра явиться бодрым на работу. Сон унесёт все напрасные тревоги. С женой ничего не может случиться там, где обеспечен круглосуточный медицинский уход.

- Наверное, я так и поступлю.

- Приятного вечера!

- Всего наилучшего!

- До свидания! – попрощался я с медицинскими работниками.

Когда я вышел на свежий воздух, то почувствовал себя несколько лучше. Я смотрел на ярчайшие звёзды Млечного Пути и кусочки Луны и видел их как будто впервые за слюдяным мерцанием Защитного купола. Никогда ещё зимний вечер не казался мне таким прекрасным.

Глава третья

1

Прошло две недели. За это время, конечно, все узнали о том, что моя жена в Больнице и о ней заботятся хорошо. Подробных расспросов не было, как и обильных выражений сочувствия, в точности как это случилось с семьёй Маклистеров. Мне казалось, что так и должно быть. Раз моя жена находится на лечении, то нечего вести разговор о ней, как будто она заболела, но по-прежнему пребывает с нами. Я сам вроде как смирился с её отсутствием и словно бы понимал, что если она и переступит порога нашего дома, то произойдёт это в отдалённом будущем, точная дата которого меня не заботила. Однако я не спешил убирать её вещи, имея надежду на то, что она может прийти в любой момент. На следующий день после того, как я побывал в Больнице, я позвонил к Маклистерам и предупредил, чтобы её больше не ждали, и поговорил с родителями Элси Марины, чтобы девочке подобрали другую женщину для присмотра. Кстати, её слова о том, что никто не возвращается из Больницы, стали мне вполне ясны. Какая необходимость возвращаться в мир забот и трудов и оставлять то место, где о тебе всегда заботятся? К чему больному человеку работать и жить в круглосуточной суматохе незатихающего большого города? К концу двухнедельного срока я почти и не думал об Элис. Она занимала мои мысли в той же мере, как давние приятные воспоминания. Я знал, что у меня есть жена, и этого было достаточно, и ни одинокие вечера, ни тишина в квартире не казались мне странными. Я не желал задаваться вопросами, а коллеги даже отметили мою возросшую работоспособность.

Но однажды, проезжая мимо Больницы с работы, вся пелена, омрачавшая мне разум, резко спала, и я вспомнил лицо жены со всеми красками и вновь почувствовал глубокую любовь и нежную привязанность к ней в своём сердце. Как я мог забыть про неё? Как мог думать, что она больше не важна для меня? Это всё неслучайно. Со мной что-то сделали в Больнице, чтобы я забыл о ней, чтобы не вздумал приходить и забирать её. Я больше чем уверен, что виной всему тот тип, не пожелавший открыть мне своего лица. Простая ли случайность помогла мне всё вспомнить? Каких богов мне благодарить за то, что это произошло?

Я решил немедленно отправиться в Больницу и потребовать сведений об Элис, и по возможности выяснить, почему они так поступили со мной. Если они думают, что всё это сойдёт им с рук, они глубоко ошибаются. Сейчас как раз было время свиданий, но, так как я уже проехал Больницу, мне пришлось сойти на следующей остановке и возвращаться пешком. На территории ничего не изменилось, а после того, как они забрали мою жену, я больше не замечал никакой оживлённой деятельности за больничным ограждением.

Когда я вошёл, за стойкой регистратуры сидела та первая девушка, которая намеренно либо по незнанию солгала мне, не моргнув и глазом.

- Добро пожаловать! – она подняла на меня свои синие глаза.

В этот раз я решил не быть вежливым.

- Помните меня? – спросил я.

- Да. Вы приходили насчёт своей жены.

- Сейчас я пришёл, чтобы забрать её. Думаю, её давным-давно должны были выписать. Прошло две недели, как никак.

- Напомните её фамилию, - девушка привычно зашуршала листками журнала. Всё та же картина. Ничего не изменилось в этом проклятом учреждении.

- Кирокавалла.

- Верно. Она покинула Анамнестический кабинет через три дня после поступления к нам. Сейчас она находится в Офтальмологическом отделении, но я не думаю, что ей будет позволено…

- Так. Хватит, - рявкнул я. – Я наслушался ваших разговоров ещё в прошлый раз, когда вы мне нагло наврали.

- Я? – девушка округлила глаза с самым невинным выражением.

- Да вы. Ведь всё, что вы наговорили мне в отношении машин скорой помощи, была наглая ложь. Так что позовите главного врача. Я желаю разговаривать только с ним.

- Главврач на операции.

- Тогда позовите его заместителя и не выводите меня из терпения, иначе я разнесу полбольницы, разыщу свою жену и уйду вместе с ней.

- Мне жаль, но не думаю…

- Меня не интересует ваше мнение! Я ваши штучки знаю. И не смейте приглашать того человека в респираторе! В тот раз он что-то такое намеренно сотворил со мной, что я позабыл о жене на две недели. Я ещё дойду до высших инстанций, чтобы к вам пришли с проверкой и выяснили, чем вы тут занимаетесь, принимая здоровых людей за больных, и гипнотическим вмешательством смущая человеку рассудок.

- Доктор Боннит, пройдите в Регистратуру. Доктор Боннит, пройдите в Регистратуру, - проговорила девушка по громкой связи, а затем обратилась ко мне. – Всё-таки вы не правы, гражданин. Мы здесь занимаемся лечением. Как вы думаете, почему в Сити так мало людей болеют? Потому что забота о вашем здоровье – наша главная обязанность.

- С вами бесполезно разговаривать, - махнул я рукой, но тут появился, наконец, первый увиденный мною доктор этой Больницы.

- Что здесь происходит?

Он весь держался как-то властно, и мне бы только хотелось, чтобы он разрешил мою проблему во мгновение ока.

- Вот, - кивнула регистраторша, - этот мужчина нервничает по поводу своей жены.

- Да, нервничаю, - с достоинством подтвердил я. – Моя жена попала сюда две недели назад, а я до сих пор не знаю, что с ней и жива ли она вообще.

- Её фамилия Кирокавалла. Она в Офтальмологическом отделении, - пояснила девушка-всезнайка.

- Я вам тут ничем помочь не могу. Вам нужно поговорить с лечащим врачом вашей жены. Моя специальность – хирургия.

- Да, я понимаю, что здесь мне никто помочь не может, - с каждым словом мой голос звучал всё громче. – Но тогда мне ничего не остаётся, как отправиться на поиски жены самостоятельно. Сейчас половина шестого, значит, никто не может возражать по поводу свидания с родственником.

- Без разрешения посторонним нельзя ходить по отделениям, - сказал Боннит.

- Плевать я хотел на ваше разрешение! Я желаю видеть свою жену! Вы не имеете права запрещать мне это в часы свиданий!

- Он слишком нервный, – встряла регистраторша.

- Сами вы истеричка! – не остался в долгу я, но это выглядело не только невоспитанно, но и по-детски, ведь оба они были спокойны и вежливы, а я кричал и размахивал руками, и забыл о всяких приличиях, даже о том, что шум, исходящий от меня, может мешать посторонним.

Доктор Боннит, видимо, не желал закрывать на это глаза.

- Если вы немедленно не покинете здание Больницы, я буду вынужден позвать санитаров и собственной рукой вколю вам успокоительное. Вы ведёте себя недопустимо. Предупреждаю, что, как врач, я имею на это право, находясь в любом общественном месте, не говоря уж о лечебном учреждении, где вы нарушаете тишину и общественный порядок.

- Я это знаю, - кивнул я, - поэтому прошу прощения и ухожу. Но я подам жалобу во все высшие инстанции, так и знайте. Вы не отделаетесь от меня так просто! Я не собираюсь дарить вам свою жену в качестве какого-нибудь подопытного материала. В следующий раз я приду сюда со служителями закона и порядка, потому что, так понимаю, мирными путями мне жену отсюда не забрать.

- Ваша жена здесь не пленница, - ласково поправила регистраторша.

Я не стал ничего говорить, а просто ушёл. Я еле сдерживал себя, чтобы не хлопнуть дверью, потому как и так показал себя не с лучшей стороны. А ведь для того, что мне предстояло впереди, мне следовало быть крайне серьёзным и безупречно-грамотным гражданином. Однако я начал понимать, почему человек докатастрофных времён вёл порой себя так дико. Иногда это необходимо, учитывая, что бюрократия в обществе появилась с зарождением цивилизации.

2

Из дома я позвонил в Справочную и узнал там, куда мне следует обратиться, чтобы подать жалобу на Больницу. Девушка на том конце не долго думая ответила, что мне нужен Городской отдел здравоохранения, продиктовала и адрес, и номера, и даже на всякий случай назвала часы работы. Как хорошо, что в нашей полезной Справочной Сити можно узнать данные по любому учреждению, если нужно куда-то обратиться, позвонить или послать сообщение по перфорированной ленте.

Затем я позвонил на работу дежурному и попросил предупредить завтра моего начальника, сразу как он придёт, что могу значительно задержаться, так как проблемы, связанные с женой, вынуждают меня пройтись по разным инстанциям. Он обещал всё передать, зафиксировав мои слова на соответствующем бланке. С этим проблем не возникло. Как я уже говорил, Больница была настолько уважительной причиной, что стоило её лишь вскользь упомянуть, как никаких вопросов не возникало. Наоборот, все были рады услужить, какова бы ни была моя просьба. Не так было бы, будь я вызван в суд либо приглашён на похороны. Отлучку дали бы всё равно, но позднее стали бы интересоваться, что там да как происходило.

Вот странность! Только сейчас мне пришло в голову это поразительное несоответствие. Буквально во всех областях нашей жизни Больницу обходят стороной, словно это какая-то запретная тема. Никогда никто туда не заходит (кроме участившихся случаев прибытия скорой помощи); о ней не принято говорить, однако детвора Сити знает какие-то небылицы, и всё это в порядке вещей. Работники Больницы тоже какие-то странные. Пусть внешне они кажутся нормальными, но в Центральной Больнице я даже не задаюсь вопросом, люди ли передо мной. А вот в Больнице каждый словно исполняет какую-то, только ему одному предназначенную роль, как механические заведённые человечки. И гробовая тишина царит вокруг. Всё это кажется неприятным неподготовленному человеку. И не зря у меня возникло тогда дурное предчувствие! Внутри происходит нечто очень нехорошее, и Больница только внешне кажется богоугодным заведением.

И пусть это звучит фантастически, но я более чем уверен, что тот работник, скрытый с головы до пят спецодеждой, распылил какую-то гадость, от которой в моей голове помутилось. В аптечку мог быть закачан какой-нибудь специфический газ, не зря он пихал мне этот белый чемоданчик под нос. Я знал, что нечто подобнее существовало во времена войн после расщепления Луны, когда из-за какого-то газа люди пребывали не в себе и становились безвольными и послушными, так что с ними можно было проделывать что угодно. Таким образом тогда завербованных солдат и отправляли на верную смерть, хотя это и кажется людям новейшей эры немыслимым. Большинство относится ведь к истории катастрофичного периода скептически, по большей части, как к мифам и сказкам, из которых творцы черпают вдохновение, а исследователи пытаются раздобыть сведения о днях былых. Но что, если на минуту представить, что какое-то из этих видов химического оружия сохранилось в исправном состоянии и используется в наши дни с неизвестными целями?

Но зачем держать и применять подобное оружие в Больнице? Чтобы родственники забывали о своих близких и переставали интересоваться ими? Но зачем иметь больных, которых никто не станет забирать, ведь когда-нибудь свободные койки закончатся? В каких-то своих личных целях? С медициной может быть связано только одно – опыты над людьми, живыми или мёртвыми без разницы.

От этой цепочки логических заключений меня пробрала дрожь. Неужели в Больнице происходят подобные невероятно-ужасные вещи?

Я вдруг понял, что совершенно ничего не знаю об этом месте. Уверен, как и большинство населения Сити, не говоря уж о Тауне и Кантри. Мне захотелось узнать несколько больше,

и я подумал, что могу это сделать. В каждом подъезде при спуске в подвал имелась стойка, на которую выкладывали не только свежие бесплатные газеты. Там всегда лежал толстенный справочник с полезной информацией по Сити. Я ни разу в него не заглядывал, как и большинство из нас, должно быть, но знал, что там можно найти любые сведения по краеведению, не исключая реклам модных лавок и магазинов. Ежегодно справочники заменяли на новые, но их первая, историческая, часть всегда оставалась неизменной.

Так что я направился вниз изучать справочник, чтобы успокоить свои смятённые от догадок мысли. Ужель и в самом деле в современном мире может происходить нечто подобное?

В столь поздний час, народу, снующего по подъезду в свои квартиры и из них, было предостаточно. Мне пришлось здороваться со многими и участвовать в вежливом поддержании разговора, так что я не скоро добрался до нужного места, однако старался ничем не выдавать своего нетерпеливого желания зарыться носом в толстенный том. Когда все разошлись по своим жилищам и оставили меня одного, в свете дневной флюоресцентной лампы я, наконец, принялся листать книгу в поисках любой возможной информации о Больнице. Её оказалось немного. Всего-то скудное описание. Я пробежал его глазами, а затем прочитал ещё раз более внимательно.

Больница
Сити, Больничная ул., д.5
т. 4-78-58 о.р.
Построена в 0 г. новейш. э., арх. Ф. Боровичепский.

Небольшие отдельные здания белого кирпича без фасадных украшений с широкими окнами времён постройки Защитного купола, соединённые крытыми подземными коридорами с зоной хозяйственного двора и защитной зелёной зоной. Комплекс включает в себя: стационар со специализированными отделениями и палатами, вспомогательные отделения и лаборатории, аптеку, поликлинику, пищеблок, прачечную, административные и другие помещения.

Первоначально Больница была предназначена для круглосуточного лечения и ухода за пациентами с определёнными заболеваниями. К концу первого столетия её преобразовали в санаторий-профилакторий.

В наши дни методы её лечения считаются устарелыми, и медицинское учреждение почти не используется по своему прямому назначению, частично перепрофилировавшись на лабораторные исследования. Однако в некоторых особых случаях или случаях редких заболеваний Больница по-прежнему принимает пациентов и оказывает помощь.

На данный момент в Больнице 15 узконаправленных отделений; санаторий закрыт по причине неисправности бассейна и саун.

Вот и все скудные сведения. Ничего такого, чего бы я не знал ранее. Ничего конкретного. Никакой полезной информации. Возможно, в библиотеке могло отыскаться больше информации, но она работала до восьми и уже была закрыта.

Я положил справочник на место, но пребывал в растерянности, размышляя. Больница казалась всё более и более подозрительным местом, и мне только оставалось желать, чтобы власти как можно скорее начали разбор того, что происходит там внутри. Уже ясно, что их деятельность противозаконна. Однако ещё больше я желал, чтобы Элис была со мной. До сих пор я прилагал слишком мало усилий к этому. Вспомнить хотя бы, сколько дней прошло бездеятельно при моём попустительстве. Так что теперь я собирался добиться нашего воссоединения любыми путями и средствами, к чему бы ради этого мне не пришлось прибегнуть.

Глава четвёртая

1

Как и многие организации Сити, Городской отдел здравоохранения начинал работу с восьми часов утра. Туда, как было запланировано, я и направил свои стопы. Я не знал, что именно стану делать и как конкретно себя вести. Решил, разберусь на месте, но твёрдо был намерен не ронять своего достоинства, не скандалить, а любыми путями добиваться того, чтобы мою супругу выписали либо перевели в другое место в случае её серьёзной и реальной, а не мнимой, болезни, хотя я всё ещё считал, что она абсолютно здорова, а обратное утверждает медицинская ошибка.

Нужное мне государственное учреждение располагалось на Восьмиугольной площади по соседству с множеством других официальных офисов в большом зеленоватом здании с куполом и широкими арочными окнами. Напротив, через площадь, находилось здание Администрации Сити, где работал глава нашего города. По крайней мере, так говорили, что он работает именно там, но едва ли кто-то видел его. Ещё одна тайна, с которой люди мирились, пока их жизнь шла своим чередом и ничто не нарушало её безмятежного порядка.

В вестибюле были установлены пропускающие вертушки, которые стоило пересечь всем прежде, чем подниматься по лестнице. Перед ними обитала вахтёрша в старой заношенной телогрейке, на столе которой стояла табличка «выписка одноразовых и многоразовых пропусков». Я подошёл к ней, потому что остальные проходили свободно, суя в щели вертушек свои личные карточки. У меня таковой не было. Был только рабочий пропуск, но он тут ничем не мог мне помочь. Когда вертушки пропускали людей, они забирали карточки, которые выплёвывала машина с другой стороны. Просто какой-то живой конвейер при входе на работу. Но в таких официальных структурах всё более механизировано, чем в простых и мелких конторах, в какой, например, работаю я сам, и от которых едва ли зависит нормальное ежедневное бесперебойное функционирование Сити.

Я подошёл к вахтёрше и попросил:

- Утро доброе! Не могли бы вы выписать мне одноразовый пропуск?

- Куда вам? По какому делу? – она достала чистый бланк.

- В Городской отдел здравоохранения. А дело объяснять долго. Можете написать кратко - по личному.

Она косо взглянула, но ничего не сказала, за исключением того, что на пропуске мне должны будут проставить отметку в нужном мне отделе. А когда отдала карточку, я почувствовал себя частью большого механизма, его маленьким послушным винтиком. Затем я прошёл через пропускную вертушку и начал подниматься по лестнице. Когда я поднялся на третий этаж, до меня дошло, что я позабыл спросить у вахтёрши, куда мне идти. Я не знал, стоит ли подниматься ещё выше или же спуститься и узнать у кого-нибудь дорогу, но тут людской поток засосал меня автоматически, и вот я уже бодро шагал по коридору, словно служащий какой-нибудь здешней конторы. Так что пришлось заглянуть в первую попавшуюся открытую дверь.

- Не подскажете, Городской отдел здравоохранения где?

- Понятия не имею, - пожала плечами ухоженная женщина, разглядывающая себя в зеркальце.

- Не знаете? – удивился я. – Но вы ведь тут работаете.

- Я не обязана знать всех. Здесь несколько десятков отделов.

Я направился дальше, сочувствуя тем некоторым людям, которые не интересуются ничем находящимся дальше их собственного носа. К счастью, почти мгновенно я наткнулся на убор-

щицу, устало шагающую к лестнице со своими вёдрами-тряпками. Она любезно разъяснила, что мне этажом ниже. Первая дверь.

Когда я подошёл к двери нужной мне организации, меня пробрала дрожь волнения, но я быстро её отогнал. Рассудительность прежде всего. Я не пришёл требовать ничего, кроме справедливости.

Когда вошёл, то оказался перед столом секретарши, а не сразу в кабинете начальника отдела, как представлял себе. Конечно, такая важная персона как начальник отдела Городского здравоохранения должна иметь привратника, который бы пропускал к своему хозяину не всех подряд, а только тех, кто не доставит особых хлопот просителю. Секретарша не обращала на меня никакого внимания, хотя я не только постучал в открытую дверь, но и поздоровался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.